

18+

Алекс Ст☆р

ХОРОШИЙ
доктор
ДЛЯ ПЛОХОЙ ДЕВОЧКИ

Алекс Стар

**Хороший доктор
для плохой девочки**

«Автор»

2024

Стар А.

Хороший доктор для плохой девочки / А. Стар — «Автор», 2024

Всю жизнь я была хорошей девочкой: училась, работала на износ, безропотно брала все дежурства. Только для того, чтобы в очередной раз меня обошли повышением. И мне надоело быть хорошей. Я решила стать плохой. Очень плохой. И у меня есть план. Вершинин - врач от Бога, настоящее светило медицины. Он способен сделать невозможное. Все пары города стоят в очереди к нему на приём, чтобы он подарил им наконец-то долгожданного ребёнка. И теперь он сделает это для меня. Я так хочу. И мне нечего терять.

© Стар А., 2024

© Автор, 2024

Содержание

1	5
2	8
3	11
4	13
5	15
6	17
7	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Алекс Стар

Хороший доктор для плохой девочки

1

Все, хватит с меня!
Надоело быть хорошей девочкой!
Всю жизнь что-то из себя строю, работаю, учусь, а кому это в итоге всё надо?!
Моей маме?! Бабушке?! Или, может быть, моей кошке?! С которой, я по всей видимости, так и состарюсь?!
Тем более, судя по общей тенденции, недолго мне осталось!

– Аделаида Семёновна, опять размышляем о чём-то важном? – прерывает мои размышления властный голос.

Который я ненавижу.

Голос главврача моей клиники репродуктивной медицины, где я тружусь под его началом.

Врача от Бога, как все вокруг постоянно повторяют с придыханием.

Голос Игоря Олеговича Вершинина, врзается в мои мечты острым ножом, лишая меня последней опоры. Моей злости.

Я три года проработала здесь, брала все дежурства, в выходные и праздники, ассистировала, сидела на консультациях и круглосуточно была на связи с нашими дорогими пациентами.

Очень дорогими пациентами.

Которые готовы отдать любые деньги лишь бы завести ребёнка. Неважно какого: первого, второго или десятого.

И абсолютно всё равно, сколько лет так называемым родителям: двадцать или шестьдесят.

Они все приходят к нам, точнее к Вершинину, падают в ноги, умоляют сделать невозможное.

И каждый раз он это делает.

И вот от нас уезжает очередная счастливая семейка с кричащим свёртком на руках. Или даже двумя и тремя.

И я всегда верила, думала, что я работаю во имя высшей цели, чтобы делать людей счастливыми. Дарить им радость и детей.

Смотрела влюблёнными глазами на своего начальника, как на божество, как на оракула, ведь именно к нему все приходят, когда потеряли уже последнюю надежду, когда обошли уже всё и всех, что только можно, и им вдруг посоветовали клинику Вершинина «ПереСвет».

И вот теперь на нашем еженедельном собрании по понедельникам, Вершинин вдруг объявляет при всех, что теперь руководить отделом патологии беременности будет... Нет, не я, как я была уверена!

После стольких лет преданной работы на разрыв! Бессонных ночей!

А Инесса Плошкина!

Эта драная кошка.

А она ведь пришла сюда работать на месяц позже меня!

И вот теперь она довольно улыбается под восторженные и одобрительные возгласы всего нашего коллектива, как лиса, съевшая чужую сметану. Ну конечно, мою сметану она сожрала. Втихаря.

И теперь я даже не сомневаюсь, как, а точнее, каким именно местом она заработала себе это повышения.

И пока я была хорошей девочкой и добивалась всего исключительно своими мозгами и умом, хитромудрая Инесса утащила мой заслуженный кусок пирога. Моё повышение.

Я же вижу, какими глазами смотрит на неё Вершинин. Кто знает, чем они занимаются, заперевшись у него в кабинете? Точнее, теперь я в этом несколько даже не сомневаюсь. Выбирают очередное повышение.

Только единственного, чего я не могу понять, как такой великолепный врач и руководитель, как Вершинин, всё-таки опустил до того, чтобы гадить там же, где ест. А точнее, заводить шашни на работе. Со своей сотрудницей. И даже подчинённой.

– Ну так что скажете, Аделаида Семёновна? – всё ещё вопрошает меня мой начальник, пристально глядя на меня своими тёмно-синими невероятными глазами, в которых я тону.

– Простите, вы не могли бы повторить вопрос, я немного задумалась, – бормочу я под его натиском.

И боюсь признаться себе, что на самом деле я безумно просто дико завидую этой Плюшкиной.

Потому что это я хотела бы запереться с ним в его кабинете.

Это я бы хотела сорвать с него этот безупречно-белый накрахмаленный халат.

Это я бы хотела взобраться к нему на его стол их красного дерева.

Отшвырнуть ногой в каблуке подставку для карандашей и ручек и подойти прямо к нему.

Встать так, чтобы это он высоко задрал голову и смотрел на меня снизу вверх.

Восхищаясь.

Желая меня.

Изнемогая от ожидания.

Хотела бы встать на колени и притянуть его к себе, эти губы, которые сейчас вытягиваются в недовольную гримасу.

Прикусить их.

Почувствовать вкус крови у себя во рту.

Его вкус на своих губах.

– Я только что спросил у всех, как вы считаете, следует ли нам объединить отделение патологии беременности с обсервационным. Чтобы сократить расходы. Может быть, сообщите нам своё ценное мнение? Будьте добры, Аделаида Семёновна, снизойдите до нас со своего небосклона.

Ненавижу, когда он так разговаривает со мной. Снисходительно-пренебрежительно. Как будто дорожит моим мнением, а на самом деле издевается.

Тонкая ирония. Которую понимаю только я, или все мои коллеги меня за спиной? Оглядываюсь на наше собрание в белых халатах.

Все молча смотрят. Жду, что я скажу.

А что я могу сказать?! Объединить два функционально-разных отделения только для того, чтобы у этой Плюшкиной было больше полномочий и власти?

И больше рисков для нас?!

– При всём уважении к моей дорогой коллеги, – спокойно произношу я, глядя в серьёзные синие глаза. – Я не могу согласиться на это. Слишком большая нагрузка на одно отделение. Тем более вы планируете совместить серьёзные заболевания с совершенно незначительными. Кто в итоге будет за это нести ответственность? – вопрошаю я своего начальника. – Инесса

Плошкина? Не думаю, Игорь Олегович, – встаю я со своего места, и мои глаза оказываются как раз напротив его шеи.

Чёрт, мне приходится задирать голову.

Как маленькой девочки перед учителем.

Это нехорошо.

Унизительно.

Но я всё-таки заканчиваю свою речь:

– Ответственность будете всегда и за всё нести вы, как главный врач клиники. Поэтому вы должны спрашивать не меня, а прежде всего, себя, готовы ли вы её взять.

И я выхожу из комнаты.

Мне надо отдышаться.

Чтобы пережить это унижение.

Может быть, мне стоит уволиться? – мелькает у меня шальная мысль.

Или уйти к конкурентами?

Но нет, это не вариант... Мне надо подумать...

2

Захожу в палату к своей любимой пациентке Ире. Я ведь веду её почти всю беременность, и прекрасно помню, как к нам в клинику примерно год назад пришла совершенно замотанная несчастная женщина.

Я помню, что меня испугало её лицо, не лицо, а какой-то измятый платок, и чёрные провалы вместо глаз. Лицо женщины, утратившей всякую надежду...

И всё у неё было в порядке: отличный бизнес, который приносил ей огромный доход, квартира в центре города и огромная вилла на море, шикарное авто с собственным шофёром и дорожные шмотки, но жизнь её была пуста.

И да, у неё был молодой сногшибательный любовник, который делал для неё всё. Кроме одного.

Потому что это ей не смог дать ни один мужчина.

Кроме моего босса.

– Сколько себя помню, я всегда хотела быть мамой, – сказала она тогда, грустно улыбаясь и теребя тонкими нервными пальцами свою итальянскую кожаную сумочку. – А вот, по иронии судьбы стала самой настоящей бизнесвумен, – посмотрела она своими чёрными глазами-колодцами на Вершинина, и я помню, как он тогда ей тепло улыбнулся.

Как он умеет улыбаться только нашим пациентам. Но никогда мне – его сотруднице, проработавшей с ним бок о бок много лет.

О меня он может только требовать, давать указания и делать выговоры. Ненавижу его.

Сейчас я это отчётливо понимаю.

Слишком много я ему всегда позволяла.

И вот в тот день мой начальник подарил очередной своей пациентке надежду. А потом и то, чего она желала больше всего в жизни, и теперь она лежит в своей белоснежной палате с книжкой, уже на девятом месяце и задумчиво смотрит в окно. Где тихо опадает золотым дождём летний день.

– Ну как вы сегодня, Ирочка? – ласково спрашиваю я её и сажусь рядом на больничную койку. Мы с ней так успели подружиться за всё это время, что стали почти близкими подружками.

– Всё хорошо, я чувствую, как они пинаются, – говорит он с тем блаженным выражением лица, которое бывает только у счастливо беременных женщин.

Которых я постоянно встречаю в нашей клинике.

Клинике счастливых женщин, где есть только одна несчастная.

И это женщина я.

– Смотрите, Аделаида, – кладёт она мне мою ладонь на купол своего живота, и я чувствую под кожей, как две рыбки плавают в своём тёплом аквариуме.

Две девочки.

Как целых два чуда, когда человек не надеялся даже и на одно...

И мне становится завидно.

Я помогаю стольким женщинам, вместе с ними провожу всю беременность, слышу первые крики их малышей, а сама живу сплошным пустоцветом.

Который даже особо то и не ценит начальство... И правильно: за что меня ценить, если я и сама себя не ценю?

Безотказно берусь за всё, принимаю роды, пишу бесконечные отчёты во все страховые компании, практически выполняю всю работу заместителя главврача, но почему-то должность достаётся какой-то Плошкиной с надутыми силиконом губами...

Не удивлюсь, что и над вечно её торчащей призывно грудью тоже поработал какой-нибудь наш коллега-пластический хирург.

– Вы будете со мной? – с тревогой спрашивает меня Ира. – Когда придёт время рожать? Осталось всего две недели.

– Всё будет хорошо, не беспокойтесь, – улыбаюсь я ей. – Я буду с вами, не переживайте.

Проверяю сердцебиение малышей: всё в порядке. Два маленьких сердечка стучат как два молоточка, и выхожу из палаты.

Конечно же, меня давно переманивает к себе новая модная клиника шведской медицины. Но на кого я оставлю Ирочку? И Лену? И еще других свих девочек? Им ведь скоро рожать...

С другой стороны, я могу довести их до конца и наконец-то подумать о себе!

Всё ещё мнусь в нерешительности, но всё-таки беру себя в руки и иду в кабинет Вершинина.

Мне надо с ним поговорить.

С глазу на глаз.

Без всех этих любопытных ушей, которым только дай разнести все сплетни потом по всей клинике.

Чтобы не говорила, а врачи – самый болтливый народ.

Циничный и болтливый.

Стучусь и сразу же распахиваю дверь, не дожидаясь разрешения, в конце концов, мы же в больнице, и к чему мне соблюдать все эти офисные церемонии: может быть, у меня пациентка на столе умирает!

И тут же жалею, что не дождалась ответа, потому что буквально натыкаюсь на оттопыренный призывный зад Плошкиной, которая склонилась над какими-то бумагами и что-то любовно шепчет Вершинину.

И я даже могу отчётливо разглядеть, как её пышная грудь вываливается двумя булочками из её чересчур низкого для медицинского работника выреза.

Ещё секунда, и она буквально воткнёт свои остро торчащие соски в лицо нашего главврача.

Как будто он не посмотрелся этого всего на приёмах!

– Простите, не помешала? – холодно, стараясь не показывать своё возмущение, интересуюсь я.

– Вообще-то – да, – начинает брнчать своим слащавым голоском Инесса, и я даже не смотрю в её сторону.

Меня не интересуют гипертрофированные женские железы. Пусть любят всякие извращенцы.

Например, мой главврач.

– Ещё пару минут. Что вы хотели, Аделаида Семёновна? – смотрит он на меня, и его тёмно-синие глаза снова лишают меня воли.

– Я подожду, – многозначительно смотрю я на его протезе, давая понять, что ничего не скажу, пока она не покинет кабинет.

– Что вы хотели обсудить? – откидывается Вершинин на спинку кресла, и я смотрю в окно мимо него, чтобы не рассматривать его лицо. Эти губы. Это прямой, с небольшой горбинкой нос...

Всё, что когда меня в нём так привлекало. А теперь раздражает до зубовного скрежета.

– Я увольняюсь, – холодно бросаю я ему в лицо.

И смотрю на его реакцию.

– Уверена, клиника прекрасно справится и без меня, – продолжаю я. – Тем более с такими ценными кадрами, – пренебрежительно бросаю я взгляд через плечо, намекая на только что скрывшуюся за дверью Плошкину.

Нового заведующего отделения патологий.

И слышу твёрдое и громкое:

– Нет.

3

– Что?! – не верю я свои ушам. – Что значит «нет»?! – смотрю я на своего босса Игоря Олеговича.

– Аделаида Семёновна, вы свой трудовой договор вообще открывали? – спокойно отвечает он мне.

– Ну так, просматривала, – пожимаю плечами я.

Я же всё-таки врач, а не юрист.

– А что там такого особенного? – решаю уточнить я, усаживаясь поглубже в кресло.

И готовая уже морально к неприятным новостям.

Вечно со мной что-то не то случается!

– А вот там как раз очень подробно описано, что поскольку вы имеете дело с уникальными авторскими технологиями и научными разработками, то, во-первых, вы подписывали контракт о неразглашения, а во-вторых, вы можете уволиться, предварительно уведомив меня не позднее чем за шесть месяцев.

– Это целые полгода?! Да что это за условия такие?! – как будто в первый раз слышу я это всё.

Хотя припоминаю, что когда я поступала на работу к Вершинину, то что-то такое мне объясняли в отделе кадров, но я была такая окрылённая мечтой работать со светилом науки, что пропустила все эти юридические тонкости мимо ушей.

Точнее, я даже и подумать не могла, что мне вообще когда-то захочется уволиться. Уйти от него.

– Это стандартные условия для подобных учреждений, – растягивает губы он в своей обычной деловой улыбке.

И его тёмно-синие глаза мне сейчас кажутся практически чёрными. Бездонными.

– Мы должны быть уверены, что они не перейдут к нашим конкурентам, и поэтому полгода – это как раз достаточный срок, чтобы разработать новые протоколы лечения.

– Так я же эти протоколы вместе с вами и разрабатывала, – бормочу я.

– Вот именно, – холодно отрезает Вершинин. – Где гарантии, что где-нибудь через пару месяцев они не всплывут в какой-нибудь клинике швейцарской медицины, – внимательно изучает он меня.

Откуда он вообще может знать, что меня давно туда зазывают на работу?! Тем более я им не давала согласия, и она первые вышли на меня!

– И кроме того, – вдруг очень холодно и жёстко смотрит он на меня.

Встаёт со своего места и медленно подходит ко мне, словно решаясь на что-то.

И плюхает у меня перед носом пачку бумаг.

– Аделаида Семёновна, посмотрите, это ваша подпись? – указывает он своим тонким ухоженным пальцем на синюю закорючку.

У меня всё расплывается перед глазами.

– Подпись моя, – еле выдавливаю я из себя. – А бумаги – нет.

– И как же такое может быть, а? – покачивается он надо мной всем своим высоким подтянутым телом.

И ледяной холод окатывает меня с головой.

– Как ваша подпись вообще могла оказаться на акте закупок дополнительных препаратов для эпидуральной анестезии? – слышу я голос где-то надо мной, а у самой перед глазами расплываются строчки со словами *фентанил, морфин, клофелин...*

– Я не знаю... – поднимаю я глаза на главврача. – Но я же всегда ставлю свою подпись в закупках лекарств, но здесь, без согласования с вами, такие сильные препараты, я просто не могла...

– Вот именно, не могли, – усаживается он напротив.

Совсем рядом.

Но теперь его близость не вызывает во мне обычный трепет.

Моя голова раскалывается.

Здесь должна быть какая-то ошибка...

Кладёт руку на мою ладонь, и я поднимаю глаза на Вершинина.

– Теперь вы понимаете, что при всём моём желании я не смог бы вас назначить заведующей отделением, – смотрит он на меня.

Изучает.

Не верит больше мне.

– Но я не смогла бы так поступить с вами! – чуть ли не со слезами в голосе восклицаю я. – Разве вы мне не верите?!

– Мне очень хотелось бы верить вам, Аделаида Семёновна, – с нажимом произносит он. – Но откуда тогда ваше внезапное желание уволиться? Именно сегодня? – сверлит он меня взглядом.

«Да потому что я отдала тебе лучшие годы своей жизни и карьеры!» – хочется крикнуть мне в его лицо, но я лишь сдержанно отвечаю:

– Потому что я думаю, что в наших профессиональных отношениях пора поставить точку. Мы больше ничего не сможем дать друг другу. Пора двигаться дальше, – спокойно отвечаю я, хотя внутри всё переворачивается от этих слов.

Такие слова обычно говорят любовнику при расставании, а не своему начальнику!

– К тому же, – вдруг решаюсь я выложить ему все карты на стол: – Я не просто так выбрала своей специализацией гинекологию. Я не просто так пришла работать к вам в клинику.

– И почему же? – поднимает удивлённо одну бровь Вершинин.

Знак крайней заинтересованности! Я так хорошо уже изучила его за эти годы.

– Да потому что у меня проблемы! – выпаливаю я.

Всё то, что копила в себе все эти годы. Всю свою жизнь.

Сапожник без сапог.

– Да потому что я не могу иметь детей, – понижаю я голос до шёпота, словно это что-то такое постыдное, в чём никому нельзя признаваться.

Хотя так оно и есть.

Ведь предназначение женщины – это дарить жизнь!

И я помогла это сделать тысячам женщин.

Но только не себе.

И моё сердце разрывается от тоски и боли.

– Я пришла к вам в клинику, потому что я очень-очень сильно надеялась когда-нибудь забеременеть, – выдавливаю я из себя сухие слова. – Но со временем потеряла надежду окончательно, понимаете? – смотрю я на своего босса.

Которого когда-то считала всесильным.

Но больше так не считаю.

И почему бы мне не заняться карьерой, если вокруг все только ей и занимаются?

– Ну хорошо, – вдруг медленно тянет Игорь Олегович, и я с удивлением смотрю на него. Он согласился меня отпустить? Просто так? Вот так легко?!

– Я помогу вам. Я сделаю вам ребёнка.

4

– Сделаете мне ребёнка? – переспрашиваю я.

Как-то это странно звучит...

– Ну да, вы же сами только что сказали, Аделаида Семёновна, что у вас проблемы с зачатием, и именно поэтому вы и пришли в профессию. Чтобы осуществить свою мечту, разве не так? – удивлённо смотрит на меня Игорь Олегович.

– Да, конечно, я именно это и имела в виду, – сглатываю я. – Но вы так уверенно мне обещаете то, чего я не смогла добиться за все эти годы.

– Ну, возможно, вы плохо старались, – берёт он листок бумаги и начинает что-то на нём записывать.

– Что вы имеете в виду?! – уже в возмущении переспрашиваю я. – Что значит «плохо старалась»? Звучит как-то двусмысленно!

– Я имею в виду, перепробовали ли вы все методы консервативного лечения? И все традиционные способы? – совершенно серьёзно смотрит мне в глаза Вершинин.

Он не шутит.

– Вы же прекрасно помните, как азбучные истины, что диагноз бесплодие ставится после того, как беременность не наступает в течение года регулярной и активной половой жизни! – напоминает он мне то, что я и так постоянно твержу своим пациенткам. – А женщинам после тридцати пяти – после безуспешных попыток в течении полугода. Но это не наш случай, – мельком взглянув на меня, пока я сижу и заливаюсь краской, продолжает мой главврач. – Вот я вас и спрашиваю, у вас была регулярная активная половая жизнь в течении хотя бы последнего года? – сверлит он меня своим взглядом.

И я, медик с высшим образованием и стажем, сижу, и не знаю, что ему ответить!

Потому что половая жизнь у меня, конечно, была, но совсем неактивная и нерегулярная. А откуда ей быть активной и регулярной, если я всё время провожу на работе!

С ним, между прочим!

И секс у меня бывает исключительно моего мозга, когда его имеют все подряд своими проблемами! Медперсонал, пациенты, страховая и фармацевты, и вот он, в том числе!

– Можно сказать, что регулярно, – неуверенно мямлю я в ответ.

– Аделаида Семёновна, что значит «можно сказать»? – уже чуть ли не сердито, но сдерживая себя, переспрашивает меня Вершинин. – Секс либо есть, либо нет. Ну так как? – вжимает он меня своим взглядом ещё глубже в кресло. – Есть или нет?

– Нет... То есть, я хотела сказать, есть! – не знаю, чтобы ему соврать.

Потому что признаваться, что за последние полгода у меня точно и совершенно категорически не было никаких контактов, мне совсем не хочется!

Но и рассказывать про свои попытки завести ребёнка с предыдущим своим молодым человеком, с которым я встречалась в прошлом году, я тоже как-то не тороплюсь.

Уф, даже не представляла, как тяжело отвечать на такие вопросы! Точнее, тяжело отвечать своему непосредственному руководителю, потому что это больше мне напоминает теперь какой—то фашистский допрос. В гестапо.

Я чувствую, как мой лоб покрывается испариной.

Особенно когда перед тобой не обычная замотанная жизнью женщина-гинеколог из районной поликлиники, а сексуальный мужчина-твой-босс, от которого буквально писает в трусики вся женская часть нашей клиники и все наши пациентки в придачу!

– Отлично, это мы выяснили, – продолжает что-то записывать на листочке Игорь Олегович. – Секс у нас есть... Точнее, у вас, – немного смутившись, поправляет он сам себя. И как часто? – снова поднимает он на меня свои глубокие глаза цвета горного озера.

– Что? Как часто? – начинаю нервно моргать я.

Так, надо вспомнить, как же часто я сама советую заниматься сексом своим пациенткам... И не могу... В голову словно песок насыпали. Точнее, солону.

Я прямо как Страшила из «Изумрудного города», смотрю своим незамутнённым мысленным взглядом на своего строгого начальника, пока у меня из головы сыпятся опилки. Или это из «Винни-Пуха»?

Я чувствую, как у меня учащается дыхание и потеют ладони.

Дожили.

Классическая паническая атака налицо.

– Да, насколько часто вы занимаетесь сексом? С целью забеременеть, – добавляет мой босс.

И тут я, сама не зная, почему, вдруг выпаливаю:

– Ежедневно! Каждый день. Утром и вечером, – зачем-то поясняю я.

И гордо выпрямляю плечи и спину. И с вызовом смотрю на своего главврача.

Пусть не думает, что у меня не бывает секса!

Очень даже бывает!

– Ну что же, это хорошо, – опускает глаза в свою бумажку Вершинин, и начинает что-то яростно писать на ней. – Хотя так часто и не требуется, – бормочет он, всё ещё не поднимая от своих писуллек глаз.

– Да, я знаю, – гордо отвечаю я. – Но я, к сожалению, не могу... – думаю, как же лучше-то это объяснить... – сдерживать порывы, – наконец-то подбираю я выражение, – своего партнёра, – наконец-то заканчиваю я фразу.

– Ну что же, для начала вот, – протягивает мне Вершинин бумажку, и я с недоумением взираю на неё:

– Что это?

– Здесь я выписал витамины, препараты, ничего особенного. Рекомендации по... – прокашливается он, – ведению половой жизни...

– Раз в три дня? – читаю я.

– Ну конечно, и вы прекрасно это и сами знаете, Аделаида Семёновна. Давайте для начала попробуем снизить, так сказать, интенсивность ваших сексуальных контактов, – не глядя в глаза, произносит он. – До одного-двух раз в неделю, – смотрит куда-то мне за спину. – Чтобы повысить качество спермы. Договорились? – мягко улыбается он мне, но я вижу стальной блеск в его глазах.

– Договорились, я постараюсь, —растягиваю свои губы в довольной улыбке. – Но не уверена, что у нас это сразу же получится. С моим партнёром. С первого же раза, – встаю я со своего кресла.

– Ну что же. И жду вас на приём, – снова смотрит на меня в упор Вершинин.

– На приём?! – переспрашиваю я.

– Ну а как же мне вас обследовать, – разводит он руками.

Действительно: а как же ещё?

– Желательно на седьмой день цикла, – добавляет он. – Я здесь каждый день, так что найду время для вас. И не забывайте пить витамины.

5

Выхожу из кабинета главврача ещё в большем смятении, чем заходила. Вот я нагородила! Как теперь выкручиваться?!

И уволиться не могу: полгода надо отработать, и документы какие-то нечистые на мне висят...

Откуда они вообще взялись?! Хотя, понятно, иногда на срочные роды бежишь, подмахи-ваешь, не глядя, что под нос суют... Но кто это мог сделать? Кто ещё имеет право закупать медикаменты?!

Таких людей у нас всего несколько на всю клинику. Но решающие подписи две: моя и Вершинина.

Разберусь с этим попозже.

Но в одном я точно не соврала: я на самом деле очень-очень хочу ребёнка... И я на самом деле не могу иметь детей...

Что я вообще натворила в восемнадцать лет?! Я была такая дура!

И вот теперь, спустя десять лет, я расхлёбываю последствия той самой страшной роковой ошибки...

Но ведь не одна я виновата была в этом... Где он сейчас, тот самый Андрей, который это сделал со мной?! Наверняка уже счастливо женился и воспитывает троих ребятишек, а я вот теперь живу одна, с кошкой и работой!

С которой даже не могу уволиться.

А теперь мне надо идти на приём к моему же боссу на седьмой день цикла... И когда же это?! Уже через неделю!

Мне же придётся ложиться перед ним в кресло. Как это вообще возможно?!

Так стоп, Аделаида, Ты же медик! Что здесь такого экстраординарного?! Ты что, отличаешься от шести миллиардов других женщин на Земле?!

Стелешь пелёнку и ложишься на кресло! Ноги – на железные подставки! Что тут такого?! Кресла у нас в клинике удобные, импортные.

Сама их, между прочим, заказывала и закупала.

Это всё понятно, но мой разум отказывается соглашаться с мыслью, что в этом кресле я буду лежать перед Вершининым... И он будет рассматривать меня там, между ног...

Вставлять расширитель...

Брать мазки.. А если понадобится УЗИ, то будет вставлять мне прямо во влагалище манипулу... Которая, конечно же, по форме практически идентична мужскому пенису...

От одной только этой мысли меня бросает в жар.

И даже сейчас у меня такое чувство, что мне между ног уже вставили эту самую чёртову манипулу!

Погруженная в свои мысли, иду по коридору в сторону нашей столовой, как вдруг врезаюсь во что-то твёрдое. Но мягкое. Надёжное. Пахнет антисептиком и крепким мужским бальзамом с нотками кедра.

Поднимаю глаза и улыбаюсь:

– Совсем заработалась?! Опять мир спасаешь? От бесплодия? – обхватывает меня за плечи мой коллега и хороший друг Руслан Морозов.

– Привет, Рус! Да ты же знаешь, как у нас вечно так много работы, – и я благодарна за его дружескую поддержку. – То экстренные роды, то кесарево: ни минутки покоя, – смеюсь я.

– Ну так я тебе подарю минутку покоя, – уже увлекает меня за собой Руслан, наш штатный анестезиолог, с которым мы повели не одну успешную операцию. Вообще не представляю, чтобы я без него делала в нашем сплошном женском гадючьем коллективе.

А так у меня есть хоть отдушина!

– Пойдём, перекусим, я угощаю, – сжимает он моё плечо, и тепло разливается по моему телу.

– Ну хорошо, так и быть, – смотрю я на часы. – Надеюсь, да эти полчаса никто не соберётся срочно рожать, – и иду за своим другом в столовую, где мы усаживаемся за дальний столик, чтобы посплетничать, совсем как две подружки.

– Ну что, как тебе новое повышение? – как бы невзначай закидываю я пробный камень в воду. Чтобы проверить реакцию Руслана.

– Мне так жаль, детка, – кладёт свою ладонь поверх моей Руслан и с теплотой смотрит мне в глаза, и у меня предательски начинает щипать в носу.

Потому что только сейчас я понимаю, как мне обидно. Как маленькой девочке, которой пообещали красивую игрушку за хорошие отметки и поведение, и она училась на отлично и очень хорошо себя вела, но кукла досталось другой!

И хотя мне уже двадцать семь, моя маленькая внутренняя девочка никуда не делась! Кто вообще решил, что дети в нас с возрастом обязательно куда-то исчезают?! Нет, они так и продолжают жить в тёмных чуланах нашей души, куда мы их постоянно запираем, и только вечно им выговариваем: «Не ной! Не бойся! Не проси»!

А внешне строим из себя железобетонных взрослых, пока глубоко внутри нас рыдают маленькие обиженные детки.

Вот и сейчас я беру всю свою волю в кулак, и как можно более равнодушным тоном отвечаю своему приятелю:

– Ничего особенного. Ты же сам понимаешь, сколько там нервов. Пусть Плошкина впихивает, если ей так хочется. А мне пора подумать о себе.

– Молодец! Так держать! – одобрительно восклицает Руслан, отпивая свой кофе. – Конечно, надо подумать о себе. Кстати, ты идёшь на День медика?

– День медика? Какой День медика? – не сразу вспоминаю я.

Я ведь как обычно заработалась, и у меня совершенно вылетело из головы, что у нас планируется ежегодный бал врачей, который будет проходить в «Фестиваль-отеле»!

– Ну сколько можно пропускать это мероприятие? – мягко журит меня Руслан, поглаживая мою руку своей тёплой ладонью. – В конце концов, надо же иногда и отдыхать? Поехали, Ада? – смотрит он на меня своими преданными щенячьими глазами, и я не могу ему сопротивляться:

– Ну хорошо, я подумаю. А когда он вообще будет-то?

– Совсем заработалась, крошка? – смеётся Рус. – Третье воскресенье июня.

– Так осталась всего неделя! – доходит до меня. – Сегодня понедельник, значит...

– Значит уже в эту субботу я заезжаю за тобой с утра пораньше, чтобы отвезти тебя в «Фестиваль-отель», – подытоживает Рус. – Договорились?

– Да, договорились, – киваю я.

Договориться договорились, но мне совершенно нечего надеть!

6

– Арбатова, срочно в приёмное отделение! – прибегает за мной Ниночка, наша дежурная медсестра.

– Что случилось? Кто-то рожает?! – сразу начинаю перебирать я в уме все возможные варианты.

Неужели у Ирочки начались схватки?! Так рано?! Хоть бы не это!

– Да нет, никто не рожает, там просто такой... Пациент, – рапортует запыхавшаяся Нина.

– Успокойся, всё нормально, – даю я время ей отдышаться. – Может быть ты имела в виду «пациентка», – подсказываю я ей.

– Да нет же! Пациент! Я же сказала! Игорь Олегович срочно просил вас прийти. Он без вас не справляется!

Ах, ну да, конечно! Я ведь совсем забыла, что все сложные пациенты – это мой конёк.

А я им как бесплатная психологическая помощь в пакете. Два в одном.

И психа ненормального успокою, и недовольного формой носа ребёнка отца утешу, и вот, с каким-то очередным ненормальным, по всей видимости, без меня никак.

Ну понятно, зачем я так нужна своему дорогому доктору. Самому лучшему.

– А пусть Плошкину позовут, – злорадно отзываюсь я. – Она ведь у нас завотделением, вот пусть и работает со сложными пациентами.

– Да вы не понимаете, Аделаида Семёновна, все уже там. И Плошкина, и Вершинин. Только вас вот дожидаются.

– Да что это за консилиум такой?! – становится уже самой интересно мне, и я спешу по коридору в приёмное, где обычно мы встречаем наших важных клиентов.

И когда я захожу в наш роскошный, отделанный по последней медицинской моде, кабинет, то у меня у самой чуть глаза на лоб не лезут, потому что в золотом парчовом кресле сидит, развалившись, сам Архип Бырбыров – звезда отечественной эстрады. Золотой голос России.

Над ним стоят, склонившись чуть ли не в почтительном реверансе, наша накачанная Плошкина и строгий элегантный Вершинин, а Бырбыров, сияя всей своей ослепительной мужской красотой и красноречием, вещает на всю комнату, и даже у меня начинает всё внутри вибрировать от его грудного волшебного голоса:

– Послушайте, я пришёл в вашу клинику, потому что мне вас рекомендовали! Очень хорошо рекомендовали! Птичкиным сделали двойню? Сделали, – начинает загибать он пальцы на своей ухоженной красивой руке. – Каскову сделали дочку? Сделали, – удовлетворённо продолжает Архип. – Даже Аните сделали! А ей, между прочим, уже пятьдесят пять, – с победным видом заключает он. – Вот, юбилей недавно в Кремлёвском дворце отмечали. Так позвольте узнать, чем же я так сильно вам не угодил? Что, рожей не вышел? – капризно кривит он свой восхитительный божественный рот.

Как будто не знает, что всем он вышел. Всем хорош. И даже сейчас у меня перехватывает дыхание от его неземной красоты. Такой манящей. Притягательной. Мужской и порочной.

Так и хочется упасть в его объятия и ещё раз послушать его хит, который он поёт только для меня: *«Ты моя богиня, кошка, будь всегда моею, крошка...»*

– Ну так что скажете, а? – прерывает мои влажные сладкие мечты голос Вершинина.

– Простите, я не расслышала, – мгновенно заливаюсь я краской до самых корней волос.

Как непрофессионально. Надеюсь, никто не заметил, как я утонула в своих мечтах.

– Архип Бырбыров спросил вас, Аделаида Семёновна, почему мы не можем сделать ему ребёнка, – смотрит на меня в упор мой главврач.

Видимо, ожидает от меня разумного ответа. И я, конечно же, беру инициативу в свои руки:

– Конечно же можем, Архип, не переживайте! – лучезарно улыбаюсь я и присаживаюсь рядом с ним на диванчик.

И до меня доносится аромат полыни и лаванды, который исходит от моего кумира.

– Кто вам сказал, что у вас не будет детей?! – кладу я свою руку на его ладонь. Пытаюсь успокоить его, как обиженного ребёнка.

Первое правило психологии: разговаривай с пациентом на его уровне. А сейчас уровень Архипа – это как раз тот самый обиженный мальчик.

– Они, – капризно тычет своим пальчиком в сторону врачей Бырбыров, и поворачивается ко мне. – Ну вот скажите, за что они так со мной?! Чем я хуже Каскова?!

– Ну конечно ничем, а даже намного-намного лучше, – придвигаюсь я ещё на пару сантиметров ближе к обиженной поп-звезде. – Почему вы так решили? – оборачиваюсь я к своим коллегам, словно хочу сказать им: зачем вы обидели маленького мальчика!

– Потому что у меня, видите ли, нет жены, партнёрши, девушки, – с раздражением выкрикивает Архип. – Вы себе такое представляете?! – и я осторожно отвечаю:

– Так. Я поняла. Вы хотите ребёнка, но у вас нет женщины, которая бы его вам родила, правильно?!

– Вот именно! Какое-то ущемление прав одиноких мужчин! – восклицает Бырбыров и хватает меня за запястья. – Но я вижу, что вы единственный адекватный здесь специалист. Скажите, что вы мне сможете помочь! – умоляюще смотрит она мне в глаза.

Прямо в душу.

И я не могу сказать ему «нет». Особенно когда самый прекрасный и желанный мужчина нашей эстрады сидит в трёх сантиметрах от меня и умоляет о помощи.

– Ну конечно, – слглатываю я. – Мы обязательно вам поможем. Поищем в нашей картотеке женщин, которые готовы выносить вашего ребёнка, такая услуга у нас есть... – начинаю соображать я, как лучше это всё организовать.

– Зачем мне ваша картотека. Вы меня не поняли, – перебивает меня Бырбыров. – Вот вы, вы, – ещё раз повторяет он, когда я с недоверием смотрю на него. – Вы конкретно сможете родить мне ребёнка? Вы врач, вы красивы, – начинает перечислять он, и я вспыхиваю от его слов. Сам Бырбыров считает меня красивой!

А ведь он просто купается в красотках ежедневно!

– Вот вы и сделайте мне ребёнка, – торжествующе заключает он, и я в недоумении смотрю на своих коллег, которые стоят с разинутыми ртами.

Особенно Вершинин, с тайным удовлетворением отмечаю я про себя.

7

Сегодня был просто какой-то сумасшедший день: если не знать, то можно подумать, что я работаю в дурдоме, а вовсе не в одном из лучших перинатальных центров города, а то и страны.

Слава Богу, что хотя бы никто не начал экстренно рожать!

Я выхожу из ворот нашей клиники, размышляя над предложением своего главврача. Он, конечно же, доктор от Бога, но он, к сожалению, не волшебник. А просто смертный.

И если мне уже поставили этот страшный диагноз несколько лет назад, то не думаю, что спустя какое-то время всё прошло. Как показывает мой врачебный опыт, проблемы, если их не лечить, только усугубляются.

Правда, многие проблемы от головы, и я вспоминаю сегодняшний визит эксцентричного Архипа Бырбыров.

Я бы ни за что не поверила, если бы ещё вчера мне кто-нибудь рассказал, что секс-символ предложит мне не только переспать с ним, но ещё и сделать ему ребёнка! Хотя, задумываясь я, провести ночь со своим кумиром я бы, скорее всего, не отказалась...

Но он ждёт от меня большего. Чего я не смогу ему дать. Чего вообще никому не могу дать...

Я бреду по тёмной аллее, как вдруг передо мной резко тормозит чёрная тонированная машина, и я останавливаюсь, как вкопанная. Что мне делать? Бежать?! Но это будет выглядеть как-то странно, мало ли зачем она затормозила... А из неё уже выходит огромный, как шкаф, мордорот, и взяв меня за локоток, словно зажав в стальные тиски, осторожно, но очень настойчиво ведёт к автомобилю.

– Куда вы меня ведёте?! Отпустите!

– Успокойтесь, Аделаида Семёновна, – тихим басом отвечает мне мордорот. – Всё в порядке, не бойтесь. Вас никто не тронет, просто кое-кто желает поговорить с вами лично, – и аккуратно, даже не дав мне опомниться, запихивает меня в машину.

Дверца захлопывается, и я не сразу вижу, кто сидит рядом, но зато узнаю этот чарующий, ни с кем не сравнимый голос:

– Аделаида Семёновна, простите, что пришлось вас вот так вот приглашать к разговору. Но я в отчаянии. Вы – моя последняя надежда, – и пленительные глаза Архипа с мольбой смотрят на меня. – Поехали, – командует он, и дорогое авто начинает свой путь, мягко покачивая нас в своём трюме, как огромный корабль на волнах.

– Мне очень лестно ваше предложение, – начинаю я. – Но поймите, есть определённые правила, протоколы. Я просто физически не смогу быть матерью для вашего ребёнка! Для этого существуют определённые процедуры, понимаете?

Я разворачиваюсь к нему лицом и начинаю объяснять на пальцах то, что объясняла уже сотни раз нашим дорогим и именитым пациентам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.